

А. Г. Лисицын-Светланов¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассмотрение права как элемента культуры неразрывно связано с такими категориями, как «национальное» или «цивилизационное». Обе категории предполагают определенную множественность и многообразие проявлений, по крайней мере с учетом их исторического развития. Рассмотреть становление на-

¹ Директор Института государства и права РАН, академик РАН, заведующий кафедрой частного и публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, профессор. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член Бюро Отделения общественных наук РАН, Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

циональных правовых систем, составивших «правовые цивилизации», наиболее наглядно на примере Европы. При всем многообразии существующих взглядов исследователей всемирной истории права представляется справедливым, что подлинное становление самостоятельных национальных правовых систем связано с распадом Римской империи и возникновением на европейском континенте независимых государств, способных заключать договоры с империей. Именно тогда возникает принцип “*Par in parem non habet imperium*” («Равный над равным не имеет власти»).

Международный договор — это результат согласования воли государств, закрепленный в правовой форме. Принимая во внимание уровень правовой культуры Римской империи, ее контрагентом в равноправных или относительно равноправных отношениях могло быть государство, жизнь в котором строилась на правилах (возможно, и обычаях), которые могут быть оценены как правовые. Дальнейшее становление государств в Европе привело к формированию различных правовых систем. Это различие проявляется не только в делении на право континентальное и англосаксонское. На континенте также складываются самостоятельные правовые системы. Позже, в колониальную и постколониальную эпохи, они ока-

зали существенное влияние на формирование права в колониях.

Сложившиеся различия неоднородны по своему характеру, а их существование производно от тех обстоятельств, которые формируют культуру народов, их нравы и социальное поведение. Исторический опыт дает примеры, когда одни государства «заимствовали» отдельные источники права у других государств. Однако рецепция иностранной нормы не означает восприятия иностранного права как такового. Прямым свидетельством тому служит то, что практика применения заимствованных источников не повторялась в судебных решениях. Классическими в связи с этим стали примеры принятия в Бельгии французского Кодекса Наполеона, а в Турции — закона об обязательствах Швейцарии. В обоих случаях правоприменение отражает национальные особенности. В странах «общего права» прецеденты носят более национальный характер. Однако не только рецепция норм права, но и иные попытки восприятия чужих доктрин не создают «правовых клонов». Так, после Второй мировой войны Конституция Японии разрабатывалась под сильным американским влиянием, однако как роль Основного закона, так и дальнейшее развитие права в США и Японии сегодня вряд ли можно назвать родственными явлениями.

Различия правовых систем зависят и от сферы регулирования. Особенно это проявляется в сфере публичного права, на содержание которого оказывают влияние не только культурная и как ее часть правовая традиции, но и политическая обстановка в стране. Например, установление в 1930-е годы фашистской диктатуры в таких государствах, как Италия и Германия, не соответствовало правовым традициям этих государств, однако приход к власти политических сил того времени установил в них бесчеловечный правовой порядок.

Вместе с тем исторический опыт указывает на то, что значительные социальные изменения, происходящие в государствах, могут породить политические, экономические и идеологические изменения, находящие закрепление в праве, и одновременно сохранять действие правовых институтов, традиционных для этих государств. Возникновение СССР и в последующем стран народной демократии установило в них практически новый правовой порядок в сфере регулирования экономики. Однако наряду со сложившимся новым хозяйственным правом, основанным главным образом на правительственных постановлениях, в этих государствах продолжало действовать гражданское законодательство, традиционное для континентальной системы права.

После окончания Второй мировой войны начался новый этап формирования правовых систем, причем как на национальном, так и на международном уровне. Наряду с формированием правового порядка, обеспечивающего мир народам, в качестве высшей ценности провозглашаются права человека. Ключевым принципом развития правовых систем стали не столько национальные особенности и традиции, сколько складывающаяся биполярность мира, в основе которой лежала

идеология, в первую очередь коммунистическая. Она распространилась на страны с населением, превышающим 1,5 млрд человек.

Элементом противостояния двух систем стали различия в подходах к трактовке самого понятия «права человека». Распад социалистического лагеря, казалось, мог бы обеспечить единое понимание прав человека и соответственно единый подход к правоприменению. Более того, европейское понимание прав человека могло бы претендовать на мировое лидерство, особенно принимая во внимание, что сложившееся в этой сфере регулирование основано как на материально-правовом регулировании — Всеобщей декларации прав человека, так и на процессуальной практике Европейского суда по правам человека. Но события последних десятилетий свидетельствуют об ином — западноевропейский подход не стал образцом для остального мира.

С исторических позиций видно, что нормы и ценности европейской цивилизации, получившие развитие в XVIII–XIX веках, не приобрели иммунитета от тоталитаризма, поразившего Европу в XX веке. Правовая политика и законодательство многих государств на этапе режима тоталитаризма рядились в одежды нравственности, провозглашая насилие, обеспечивающее их интересы, проявлением «высшей нравственности», хотя, по сути дела, распространяли безнравственность.

В чем же заключается значение декларации? Возможно, в том, что она, отражая исторический опыт человечества, прямо провозгласила в качестве высших ценностей права человека, соблюдение которых способно уберечь человечество от войн и массовых нарушений основных прав и свобод.

Положения декларации исходят из универсального понимания прав человека, отражающего такие категории, как равенство, совесть, справедливость, относя их ко всем странам и народам, то есть из универсального понимания гуманизма. Эти ценности на Земле назовет «всяк сущий язык». Однако народы стран, входящих в ООН, даже в условиях глобализирующего мира неизбежно вкладывают в них содержание, отражающее особенности как национальных традиций, так и более общие — цивилизационные. Эти особые морально-нравственные установки, существуя в сознании, неизбежно переносятся в принимаемое законодательство и, что особенно важно, в правоприменительную практику.

Как в политике, так и в области права вопросы морали и нравственности имеют разную шкалу ценностей. Представляется, что ситуация с Всеобщей декларацией прав человека имеет те же корни. Различия в национальном законодательстве, касающемся прав человека, могут быть порождены целенаправленной политикой режима, действующего вопреки букве и духу декларации. Однако различия в национальных стандартах защиты прав человека, толковании положений декларации могут быть обусловлены не злым умыслом властей, обвиняемых в тех или иных акциях или установлении правил, ограничивающих свободу поступков человека. Причины в данном случае могут

быть обусловлены и стремлением обеспечить общественное благо. Вопрос в том, где проходит грань, которая позволяет создать гармонию, баланс прав и интересов.

С точки зрения права здесь возникает извечная дилемма между реализацией человеком его права и публичным порядком, выраженным в представлениях о национальных интересах и национальной безопасности, экономических возможностях государства, общественной нравственности и т. д.

Согласно ч. 2 ст. 29 декларации права человека могут подвергаться ограничениям в установленном законом порядке «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Эта достаточно общая и мягкая формула на практике приобретает определенные правовые формы. Реальная жизнь в различных государствах мира изобилует примерами ограничений прав, провозглашенных в декларации. Это ограничения касаются и свободы слова, и права на свободное передвижение, и права на невмешательство в личную жизнь, и права на неприкосновенность личности. Лукавит тот, кто претендует на некую эталонность в этих вопросах.

Перечисленная группа ограничений по сути интернациональна, и обращение к ним сопряжено главным образом с особыми или чрезвычайными ситуациями, в том числе международного характера, например в контексте борьбы с терроризмом. Однако принятие этих ограничений (хотя и объяснимо) должно иметь четкие правовые основания в национальном законодательстве, а не носить произвольный характер, основанный лишь на политических и административных усмотрениях. Как следует из приведенной ч. 2 ст. 29 декларации, любые ограничения должны быть обоснованными, что налагает на власть особую ответственность.

Кроме того, гарантией от подавления прав могут и должны быть не только демократические институты государства и права, но и развитые институты гражданского общества.

Сложный баланс универсализма гуманных ценностей, цивилизационных особенностей, формирующих публичный порядок в праве, и наконец влияние внешних факторов в любом случае не должны служить поводом для ущемления прав человека. Правовая политика государства — члена ООН не может строиться вне правового поля, где следование общепризнанным нормам и принципам международного права является непременным условием членства в ООН и самого существования мирового сообщества. В связи с этим Всеобщая декларация прав человека является концеп-

туальной основой развития двух ветвей права — международной и национальной. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Закрепленный в Конституции РФ примат международного права является нормой для современных демократических государств. Вместе с тем само международное право есть продукт согласования воли государств, где исключено чье-либо доминирование. Сложность процесса согласования воли государств нашла отражение в структуре международно-правового регулирования в области прав человека. Современное международно-правовое регулирование основано как на универсальных документах, составляющих наряду с Всеобщей декларацией прав человека Международный билль о правах человека, так и на региональном регулировании. К нему относятся Европейская система защиты прав человека, Межамериканская конвенция по правам человека и Африканская хартия прав человека и прав народов. Следует отметить, что содержание, круг региональных участников, а главное — эффективность действия Межамериканской конвенции и Африканской хартии существенно отличаются от Европейской системы защиты прав человека.

Различия в регулировании защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях стимулировали идею принятия максимальных универсальных стандартов. При этом подчас игнорировался тот факт, что выработка единых стандартов всегда сопряжена с необходимостью коррекции национальных право порядков. В условиях глобализации, когда преодолено противостояние биполярного мира, аргументы в пользу единообразного понимания прав человека усилились. Однако в настоящее время идеологическая, культурно-нравственная, этнорелигиозная и правовая карты мира иные, чем во времена создания Международного билля о правах человека. Современный мир определяется как многополярный, в котором единые процессы глобализма (в основном в сфере экономики, информатики, науки) встречаются с усиливающимися тенденциями сохранения национальных и цивилизационных ценностей в сфере морали, нравственности, права.

В современных условиях, когда голоса многих государств, в первую очередь стран Азии, приобрели иное, чем в 1940-х годах, звучание, процесс выработки единых стандартов прав человека и механизмов их обеспечения представляется более сложным, требующим учета особенностей цивилизационного развития всех государств мирового сообщества.